

II.

Нѣкоторыя черты отношеній помѣщиковъ Юго-западнаго края россіи къ священникамъ, до времени возсоединенія сего края съ Россіею.

Отношеніе помѣщиковъ Юго-Западнаго края россіи къ священникамъ во время Польскаго владычества обусловливалось существовавшимъ здѣсь крѣпостнымъ правомъ. Помѣщикъ, самоправно распоряжавшійся землею, временемъ и трудомъ своихъ крестьянъ, необходимо имѣлъ прямое или косвенное вліяніе на положеніе и судьбу священника, въ приходѣ котораго состояли эти крестьяне. Самое назначеніе священника къ извѣстному приходу, состоявшему изъ крѣпостныхъ крестьянъ, зависѣло отъ ихъ помѣщика, и на юридическомъ языкѣ называлось правомъ презентованія. Въ старинныхъ документахъ Юго-Западнаго края часто встрѣчаются прошенія помѣщиковъ къ епископамъ о рукоположеніи во священника къ извѣстному приходу извѣстнаго помѣщику лица, — причемъ помѣщики доносили епископу, что для церкви или священника они уступаютъ грунтъ въ извѣстныхъ границахъ и разныя угодія и освобождаютъ священника отъ всякихъ повинностей (1). Разумѣется, если помѣщикъ былъ различнаго вѣроисповѣданія съ своими крестьянами; то ничто ему не препятствовало представить во священника къ своему приходу своего единовѣрца.

Надобно полагать, что такимъ образомъ большая часть крестьянъ сего края обращена была изъ Православія въ Унію. Къ началу XVIII в. всѣ почти здѣшніе русскіе паны

(1) Архивъ Почаев. Лавры, № 289.

приняли католицизмъ или Унію. А принявши католицизмъ или Унію, они, конечно, заботились о введеніи послѣдней и между своими подданными. А самымъ дѣйствительнымъ къ тому средствомъ было представленіе въ приходскіе священники человѣка, расположеннаго къ Уніи. Поставленный по протекціи помѣщика, священникъ почти вполнѣ зависѣлъ какъ отъ помѣщика, такъ и его поссессоровъ и пользовался данными ему землями и угодіями дотолѣ, пока находился въ хорошихъ отношеніяхъ къ помѣщику. Въ противномъ случаѣ послѣдній захватывалъ церковныя и священническія земли и угодья. Священникъ оставался въ безпомощномъ состояніи,—и помѣщики и даже ихъ поссессоры привыкали смотрѣть на него, какъ на своего крѣпостнаго, которымъ можно распоряжаться по своей прихоти и произволу. Вотъ въ какомъ, напримѣръ, видѣ представляется отношеніе уніатскаго священника, Перемышльскаго епархіи, села Середницы, къ помѣщику Яворскому, родственнику тогдашняго епископа Перемышльскаго Александра Яворскаго (1748—1749 г.). Помѣщикъ Яворскій имѣлъ въ поссессіи своей два смежныя села: Ольшаницу и Середницу. «Во время болѣзни священника Ольшанскаго, — пишетъ въ своей жалобѣ священникъ с. Середницы, — панъ Яворскій каждое воскресенье и праздникъ польскій велѣлъ ходить мнѣ въ Ольшанскую церковь для отправленія св. Литургіи, и когда я, по немаломъ времени, хотѣлъ отпроситься и сказать, что моя церковь и богослуженіе праздны, а люди безъ богослуженія нарекаютъ на меня, — то панъ Яворскій сказалъ мнѣ предъ людьми Середницкими: если ты, попе, будешь противорѣчить мнѣ, то я не дамъ тебѣ не только лѣсу, но и пастбища; а какъ напишу къ его милости епископу поллиста бумаги, то онъ тебя безъ ножа зарѣжетъ. Гдѣ я ни держалъ поссессію, вездѣ попы наперерывъ мнѣ служили, — а ты почему нехочешь? На польскій праздникъ св. Апостола Андрея, панъ Яворскій прислалъ человѣка, чтобы я шелъ въ Ольшаницу, а панъ Домбровскій просилъ въ Середницѣ отслужить Литургію и далъ мнѣ на нее шостакъ битый, за который я и слу-

жилъ ему св. Литургію въ церкви Середницкой.—Панъ Яворскій, узнавши объ этомъ, разсердился и сказалъ мнѣ: хлопе попе s y synu, kozomanie, psia wiaro, psia dusza . . . и проч. и приказалъ лѣсничему схватить моихъ коней въ лѣсу и изрубить въ куски, обѣщая дать три тысячи злотыхъ тому, ктобы убилъ меня. Снова я долженъ былъ оставить свой приходъ и церковь и ходить въ Ольшаницу отправлять св. Литургію. Но когда я однажды напомнилъ ему, чтобы хоть на обувь далъ мнѣ не много, ради частой ходьбы, то панъ Яворскій отвѣчалъ: я, попе, никогда за мшу святую не платилъ, гдѣ только ни имѣлъ посессию, и тебѣ ничего не дамъ: ты Богу служишь, а не мнѣ, для того ты и попъ. Видя большія несправедливости отъ пана Яворскаго и посягательства на мою жизнь и благосостояніе, пошелъ я къ маршалку коронному надворному, чтобы, согласно издревле даннымъ правамъ моимъ духовнымъ, даны были мнѣ какъ лѣсъ на постройку и на дрова, такъ и пастбища и грунты. Панъ Яворскій, узнавши объ этомъ, приказалъ догнать меня на дорогѣ и схватить для мученія; но отцы духовные (Ваньковскій и Стефковскій, узнавши объ этомъ распоряженіи, предостерегли меня. Панъ Яворскій въ ожиданіи меня ходилъ съ ружьемъ, а я другою дорогою убѣжалъ изъ поповства Ольшаницкаго. Узнавши о томъ, что отцы Ваньковскій и Стефковскій предостерегли меня, панъ Яворскій также велѣлъ схватить ихъ и бить, и самъ хотѣлъ ѣхать въ Ваньково и въ домъ каплана накормить его пулями, говоря: имѣю восемьсотъ тысячъ фунтовъ: заплачу за козью бороду того козомана. Имѣя каждый день и часть другія новости и похвалки пана Яворскаго на мое здоровье и убожество, я снова ходилъ къ подкоморію Литовскому колятору—просить для себя милости и охраны здоровья отъ посягательства Яворскаго, но не засталъ его дома. Экономъ его, выслушавши меня и бывшаго со мной солтыса Середницкаго, послалъ письмо къ пану Яворскому, чтобы онъ не дѣлалъ насилія священнику. Это письмо я отдалъ въ церкви Ольшаницкой въ руки пана Яворскаго,

который, обругавши меня, велѣлъ взять меня во дворъ, забить кіями, подстеречь на дорогѣ, схватить меня, такъ что я долженъ былъ скрываться (1). Наговаривалъ также панъ Яворскій разныхъ людей Средницкихъ украсть у меня правъ или выхватить ихъ, когда я буду читать ихъ, и доставить ему, и за то обѣщалъ 100 злотыхъ.—На русскій праздникъ Св. Георгія, который Церковь повелѣваетъ отправлять торжественно, когда я хотѣлъ этотъ праздникъ почтить торжественнымъ и нарочитымъ для людей богослуженіемъ, панъ Яворскій, по неуваженію къ Святому и въ противность миѣ, нарочно прислалъ въ Средницу конюшаго съ приказаніемъ, чтобы войти нѣсколько плуговъ выгнать орать въ праздникъ. Тогда я, вышедши въ поле, уговаривалъ орющихъ оставить работу и отобралъ у нихъ четыре ярма. За это войти, нападши на меня съ кіемъ въ моемъ домѣ, за моимъ столомъ,—билъ меня, таскалъ за волосы, топталъ ногами, такъ что едва живаго оставилъ меня въ моемъ собственномъ домѣ. Наконецъ панъ Яворскій строго приказалъ людямъ, чтобы они, пока я священникомъ, не ходили въ церковь на богослуженіе, но молились Богу подъ вербою, а не въ церкви, прибавляя: какъ только пойдете въ церковь за попомъ, то церковь съ вами и съ попомъ зажгу, и хаты на приходѣ съ женами и дѣтьми сожгу и все разорю (2).

(1) Архивъ Почаев. Лавры, № 401.—Подобныя похвальбы дѣлалъ Яворскій и по отношенію къ другимъ священникамъ. Такъ напр., разсердившись на намѣстника и на священника Ольшаницкаго, а съ священникомъ Средницкимъ находясь въ то время въ мирѣ, подговаривалъ послѣдняго убить того и другаго, обѣщая за то большую награду; подговаривалъ также Средницкаго священника напасть на о. намѣстника въ лѣсу и убить его, говоря: какъ вырвешь и принесешь миѣ его бороду, то я дамъ тебѣ 1000 злотыхъ и постоянно буду оказывать тебѣ ласку.—Тамъ же.

(2) Архивъ Почаев. Лавры, № 401.

Подобныя отношенія помѣщиковъ къ священникамъ встрѣчались и въ другихъ мѣстностяхъ. Такъ напр. въ 1733 году помѣщики Татомиры напали на Подбускую церковь, опрокинули въ ней св. Чашу и повалили образа (1). Въ 1740 году администраторъ Куликовскій Махаилъ Штиндорфъ осмѣлился и безразсудно рѣшился напасть съ толпою людей и съ шумомъ на церковь Куликовскую и осквернить ее и наконецъ схватить тамъ нѣкоторыхъ людей новобрачныхъ, законныхъ супруговъ, и сковать ихъ, а сковавши и связавши, отвести съ погоста въ свой дворъ (2). Подобнымъ образомъ поступилъ въ 1767 году помѣщикъ Матвѣй Собалевскій съ уніятскимъ священникомъ Бориславской церкви.—«Священникъ Бориславскій,—говорится въ одномъ документѣ,—исполняя свой долгъ, увѣщевалъ отечески нѣкую Маріанну, дочь подданнаго Бориславскаго крестьянина Якова Петренко, а свою дочь духовную, находившуюся въ услуженіи у помѣщика Собалевскаго, и отечески выговаривалъ ей за невыполненіе, по церковнымъ правиламъ, ежегодной исповѣди и Св. Причастія, и поелику она не представила никакой причины въ свое оправданіе, то, въ примѣръ другимъ, велѣлъ заключить ее на погостѣ церковномъ, съ желѣзною цѣпью на шеѣ. Но помѣщикъ Собалевскій, невѣря строгости наказаній, опредѣленныхъ въ гражданскомъ и церковномъ правѣ противъ нарушителей церковныхъ постановленій, подговоривши своихъ слугъ Хмѣлевскаго и Витовскаго, напалъ на погостъ церкви Бориславской съ оружіемъ, разсѣкъ топоромъ желѣзную шейную цѣпь, въ которой содержалась означенная Маріанна, и эту цѣпь, захвативъ вмѣстѣ съ замкомъ и увелъ съ погоста эту Маріанну служанку свою, а священнику угрожалъ смертію и въ разное время старался всячески вредить ему» (3). Въ 1772 г. священникъ Обаржимской церкви уприсилъ крестьянъ, од-

(1) Тамъ же, № 309.

(2) Тамъ же, № 338.

(3) Архивъ Почаевской Лавры № 587.

нихъ за плату, другихъ бесплатно, прийти къ нему, по отбытіи панщины, для починки разваливавшейся Обаржимской церкви. Но мѣстный помѣщикъ Карлъ Бобовскій, пріѣхавши къ церкви, прогналъ крестьянъ арапникомъ къ своему двору и тамъ подвергъ ихъ страшному наказанію, а священнику угрожалъ побоями и предъ людьми заявлялъ, «что я попу голову сверну и плеча срѣжу, и онъ долженъ сидѣть тамъ, гдѣ я ему велю, потому что для меня не новость поповъ бить» (1).

Замѣтимъ, что мы описывали отношенія помѣщиковъ исключительно къ уніятскимъ священникамъ.—По воссоединеніи юго-западнаго края съ Россіею и уніатовъ съ православіемъ, казалось бы, неоставалось мѣста для произвола помѣщиковъ, по отношенію къ священникамъ, особенно православнымъ; но и въ это время, особенно на первыхъ порахъ воссоединенія указаннаго края съ Россіею,—помѣщики римско-католическаго исповѣданія иногда пытались по прежнему удерживать за собою право презентованія и даже пользоваться имъ въ видахъ католической пропаганды. Такъ напр. въ 1796 г. владѣтель Дубна, Князь Михаилъ Любомирскій, просилъ Подольскаго Преосвященнаго Юанникія объ удавленіи изъ Дубна благочиннаго Протоіерея Бохановскаго, подѣ тѣмъ предлогомъ, что будто бы сей послѣдній несправедливо отобралъ нѣсколько Дубенскихъ уніятскихъ церквей на благочестіе, т. е. присоединилъ ихъ къ православію (2). Въ 1797 г. владѣлецъ Ковельскаго уѣзда Вильга всѣхъ крестьянъ своихъ, обратившихся къ Православію и присутствовавшихъ при пересвященіи уніятской церкви въ селѣ Пугинкахъ на Православіе,—велѣлъ прислать къ нему на подводахъ, а духовному Грекороссійскому надзирателю церкви велѣлъ сказать, чтобы онъ въ такія дѣла не вмѣшивался и грозилъ ему жалобою къ Преосвященному (3).

(1) Тамъ же № 651.

(2) Почаев. арх. 1796 г. № 1010.

(3) Тамъ же, 1798 г. № 1028.

Въ Высочайшемъ Манифестѣ отъ 18 марта 1797 года, между прочимъ сказано: Нынѣ увѣдомляемъ, что въ нѣкоторыхъ присоединенныхъ отъ Польши къ Державѣ нашей губерніяхъ, духовенство и помѣщики римско-католическаго исповѣданія, обращая во зло данную отъ насъ свободу исповѣданія вѣры, явнымъ образомъ притѣсняють священнослужителей православныя Грекороссійскія церкви и не только тайно внушеніями, но и насильственно отторгаютъ отъ церкви сей людей, добровольно къ ней присоединившихся, обращая ихъ къ уніятству (1). Наше правительство всячески заботилось объ ослабленіи Патроната римско-католическихъ помѣщиковъ надъ православными церквами, но этотъ Патронатъ окончательно и самъ собою уничтожился только вслѣдствіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Съ освобожденіемъ крестьянъ отъ крѣпостнаго права, и священники получили гораздо болѣе самостоятельности, а при назначеніи отъ правительства опредѣленнаго жалованья, получили возможность совершенно освободиться отъ вліянія польскаго шляхетства и, совокупно съ простымъ народомъ, утверждать въ краѣ на неизблемыхъ началахъ православіе и Русскую народность, подавленные и физическимъ и нравственнымъ гнетомъ полонизма.

Н. II.

— 1030 —

(1) Тамъ же; книги, № 94.